

УДК 947.084

**«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ». К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ НЕУДАЧИ
СЛАНЦЕВОГО ПРОЕКТА ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК**

© 2021 Е.В. Воейков

Пензенский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

Статья поступила в редакцию 27.01.2021

В рамках данной статьи рассматривается деятельность управленцев сланцевых рудников и руководителей партийных органов Куйбышевской и Саратовской областей, реализовывавших сланцевый проект Поволжья в 1930-е гг. Руководители из рудоуправлений допустили ряд непрофессиональных действий в организации производственного процесса добычи сланца в шахтах, что способствовало уходу рабочих с рудников, массовым прогулам, простоям бригад шахтеров во время смен. Партийные руководители Куйбышевской и Саратовской областей не оказали необходимой помощи инженерам из Поволжского теплотехнического института при организации испытаний сланцевых топок и уделяли мало внимания проблемам сланцевых рудников.

Ключевые слова: сланцевые рудники, сланцевый проект Поволжья, руководители.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-19-34

Россия занимает четвертое место в мире по запасам горючих сланцев после США, Бразилии, Китая¹. Одним из наиболее богатых месторождениями данного вида полезных ископаемых регионов является Поволжье. В 1919-1980-е гг. в Советской России и СССР проводился уникальный эксперимент по внедрению в топливный баланс отдельных регионов сланцевого топлива и химической переработке горючих сланцев. По имеющимся на начало 1930-х гг. данным, Поволжье располагало значительными месторождениями горючих сланцев: Ундоровское (район вдоль правого берега Волги на север от Ульяновска) – 400 млн тонн, Кашпирское (район города Сызрани) – около 100 млн т, Савельевское (юго-восточнее Саратова; Краснопартизанский район Саратовской области) – 460 млн т, Общий Сырт (на границе Поволжья с Казахстаном) – от одного до десяти миллиардов тонн². Во второй половине XX в. сведения были уточнены. Только по Кашпирскому месторожде-

нию в начале 1990-х гг. запасы оценивались в пять миллиардов тонн; всего же по Поволжью были разведаны десятки миллиардов тонн³. Но даже далеко не полные сведения 1930-х гг. давали основание для построения крупномасштабных проектов. Поэтому при разработке планов индустриализации Поволжья горючим сланцам отводили роль основного местного топливного ресурса, который должен был повсеместно заменить дальнепривозные уголь и мазут и тем самым ослабить нагрузку на транспорт.

Хронологическими границами статьи являются 1930 – первая половина 1941 гг., то есть период от возобновления работы сланцевых рудников в Поволжье после их фактической ликвидации во второй половине 1920-х гг. до начала Великой Отечественной войны. Предметом исследования является деятельность руководящих работников Кашпирского, Ундоровского, Захарьевского и Савельевского рудников и партийных руководителей региона по реализации сланцевого проекта Поволжья 1930-х гг. В соответствии с административно-территориальным делением рассматриваемого в статье периода первые три

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки».
E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru

из перечисленных сланцевых рудников находились на территории Средне-Волжского края, с 1935 г. – Куйбышевского края, с декабря 1936 г. – Куйбышевской области. Нижне-Волжский край был разделен в 1934 г. на Саратовский и Сталинградский, в декабре 1936 г. Саратовский край преобразован в Саратовскую область.

Разработка месторождений горючих сланцев Поволжья недостаточно полно исследована в научной исторической литературе. История предвоенного освоения местных видов топлива, в том числе и сланцев, рассматривалась в статьях, монографиях, диссертациях различных исследователей⁴. В последние годы над темой использования горючих сланцев плодотворно работают самарские историки В.Н. Курятников и Д.А. Шаронин. При этом история сланцевой промышленности Поволжья в XX в. продолжает оставаться недостаточно изученной. В частности, слабо изучена деятельность руководящих кадров сланцевой отрасли. По-прежнему нет капитальной монографии, освещающей всю историю отрасли от ее зарождения в России в 1919 г. до повсеместного закрытия сланцедобывающих предприятий в 1990-е гг.

Среди наиболее загадочных «белых пятен» истории сланцевого проекта Поволжья важен вопрос о причинах неудачи создания топливной и энергетической базы Средней и Нижней Волги на сланцевом топливе. В научной литературе нет единой точки зрения на причины неудачи сланцевого проекта. Д.А. Шаронин в статье 2016 г. утверждает, что «реальные причины провала проекта состояли в несовершенстве технологий и в качестве самих поволжских сланцев»⁵. Аналогичные соображения высказывались им и в более ранних работах⁶. В коллективной статье самарских исследователей во главе с профессором В.Н. Курятниковым называлось несколько причин срыва сланцевого проекта Поволжья: «Неудачные опыты по внедрению сланцев как топлива... вызвали к ним крайне осторожное и даже подозрительное отношение со стороны практиков

и директорского корпуса... Сложности доставки сланца в населенные пункты, его высокая себестоимость, качественные показатели (высокое содержание серы, зольного остатка), неразработанность методов газификации, медленные темпы наращивания добычи и ряд других причин, в том числе отсутствие надежных топочных устройств, стали серьезным барьером на пути широкого внедрения ГС»⁷.

В 1930 г. в Средне-Волжском крае начали добычу сланцев расположенный южнее Сызрани Кашпирский рудник и Ундоровский рудник севернее Ульяновска⁸. В 1931 г. к Кашпиру и Ундорам присоединились Захарьевский рудник в Ульяновском районе СВК и Савельевский рудник в Краснопартизанском районе Нижне-Волжского края. На базе законсервированных в 1933 г. Ундоровского и Захарьевского рудников велось строительство Ульяновского рудника, добыча горючих сланцев на котором началась в 1941 г.⁹

При глубокой проработке архивных и опубликованных источников возникает странное ощущение. Все сланцевые рудники Поволжья 1930-х гг. – Кашпирский, Ундоровский, Захарьевский и Ульяновский в Куйбышевской области, Савельевский в Саратовской области – оказываются какими-то «заколдованными» местами. На строительстве и затем в ходе эксплуатации сланцевого месторождения годами не хватает необходимого оборудования – отбойных молотков, конвейеров, вагонеток, рельсов и даже деревянных рукояток для лопат и прочих инструментов. То оборудование, которое имеется на рудниках, регулярно выходит из строя. Для строительства производственных и жилых помещений хронически не хватает цемента, бревен, досок, гвоздей, оконных стекол. Электростанции рудников маломощные и работают с перебоями. Кашпирский сланцеперегонный завод никак не может выйти на проектную мощность, объемы производства на нем мизерные по сравнению с запланированными. Продовольственное снабжение рудников все вре-

мя осуществляется с перебоями. В рабочих столовых царит антисанитария, готовят невкусно. Состояние жилищно-бытовой сферы вызывает ужас даже у не избалованных излишним комфортом людей 1930-х гг. Рабочие в массовом количестве бегут со сланцевых рудников¹⁰. Куйбышевский, Саратовский обкомы ВКП(б), Ульяновский горком ВКП(б) проводят совещания, ставят задачи по улучшению ситуации на рудниках. Но почти ничего не меняется на протяжении всех довоенных пятилеток. И планы добычи сланцев, намеченные еще на 1932 г. в объеме 455 тысяч тонн и на 1940 г. – 416 тысяч тонн еле-еле удается вытянуть на рубеж 300 тысяч тонн по всем рудникам Поволжья в последнем предвоенном году. Доля сланцев в топливном балансе к началу 1940-х гг. составила всего несколько процентов. Большой сланцевый проект Поволжья, как он виделся ученым, экономистам и руководителям в центре и на местах в начале 1930-х гг., с ежегодными объемами добычи в 1-2 миллиона тонн, получением горючего газа и моторного топлива в результате химической переработки сланцев, крупными электростанциями, работающими на сланцах и сланцевом газе, долей сланцев в топливном балансе на уровне 50%, остался на бумаге. Основным видом местного топлива в Поволжье в 1930-е гг. было по-прежнему древесное, привозным – угольное.

Проблема выявления причин срыва сланцевого проекта Поволжья заключается не в недостатке архивных и опубликованных материалов. Центральные и региональные журналы и газеты в 1930-е гг. постоянно публиковали материалы по вопросам добычи и применения сланцевого топлива. В фондах Союзсланца и Главсланца РГАЭ, Средне-Волжского крайкома и Куйбышевского обкома СОГАСПИ, Саратовского обкома и первичной парторганизации Савельевского рудника ГАНИСО, Ульяновского горкома ГАНИУО, Поволжского отделения теплотехнического института Самарского филиала РГАНТД и ЦГАСО отложились самые разнообразные материалы, подробно

характеризующие историю сланцевой отрасли на протяжении всего периода 1930-х гг. Но подобное «изобилие» фактической стороны вопроса, как ни парадоксально, затрудняет понимание истинных причин срыва сланцевого проекта Поволжья. Громадное количество подробностей зачастую мешает понять, что в каждом конкретном случае было причиной, а что следствием. В данной ситуации заметно наличие явления, о котором известный представитель французской школы «Анналов» Л. Февр заметил: «Исторические факты, пусть даже самые незначительные, зависят от историка, вызывающего их к бытию. Мы знаем, что факты... являются сами по себе чистыми абстракциями, среди которых мы по необходимости вынуждены производить отбор»¹¹.

Историк, исследующий реализацию сланцевого проекта Поволжья 1930-х гг., рискует поддаться стилю изложения архивного документа и вслед за современниками довоенной модернизации возложить всю вину за срыв планов на «саботаж» горючих сланцев местными хозяйственниками или на низкое качество сланцевого топлива, на недоработанность конструкций топок для сжигания сланцев или на недостаток и несовершенство техники на рудниках. Между тем сведения архивных и опубликованных источников по данной теме нуждаются в критическом переосмыслении. Применительно к теме данной статьи можно констатировать: все производственные и бытовые проблемы сланцевых рудников Поволжья определялись как объективными факторами тотального дефицита и недофинансирования, так и низким уровнем профессионализма, отсутствием необходимых организаторских качеств у руководящих работников рудничных управлений и отдельных шахт и партийных руководителей высшего уровня Средне-Волжского края (Куйбышевской области) и Саратовской области. С точки зрения автора данной статьи, лозунг второй пятилетки «кадры решают все» удачно формулирует основное содержание и результативность производ-

ственного процесса довоенных пятилеток. В условиях недостатка финансирования и прочих проблем в годы довоенных пятилеток результаты работы разных предприятий в значительной степени зависели от личности руководителя.

Во втором пятилетнем плане добыча сланцев по Средне-Волжскому краю была определена на 1937 г. в объеме 1,1 млн тонн, по Нижне-Волжскому краю – 650 тысяч тонн¹². В реальности на Кашпирском руднике Куйбышевской области в 1937 г. добыли 200,1 тыс. тонн, на Савельевском руднике Саратовской области – 59,1 тыс. тонн¹³. Первая напрашивающаяся причина подобного колоссального расхождения запланированных и реально осуществившихся результатов – заведомая нереальность пятилетних планов в СССР и многообразии производственных и бытовых проблем на рудниках. Но при сравнении с последующими этапами развития сланцевой промышленности можно выявить интересные данные. Оказывается, миллионный уровень ежегодной добычи горючих сланцев в Поволжье был вполне реален. Свыше миллиона тонн сланцевые рудники Поволжья и Ленинградской области начали добывать в первой половине 1950-х гг., например, в 1955 г. Кашпирский комбинат вышел на уровень 1,17 млн тонн¹⁴. Вряд ли за вторую половину 1940-х гг. и первую половину 1950-х гг. в СССР одновременно с восстановлением разрушенных в годы войны городов и заводов смогли создать кардинально новые технологии, позволившие более эффективно добывать горючие сланцы. Таким образом, миллионный уровень ежегодной добычи по Кашпирскому руднику и хотя бы 200-тысячный – по Савельевскому уже в годы третьей пятилетки был не такой уж недостижимой задачей.

Историк Д.А. Шаронин писал в своей статье: «Но главная причина, по которой добыча сланцев так и не была поставлена на должный уровень, заключалась в их крайне низкой теплотворности... Сланцы ввиду своего низкого качества не находили постоянных потребителей»¹⁵. Версия

о неразработанности технологий сжигания и химической переработки сланцев в СССР как причине срыва сланцевого проекта 1930-х гг. имеет под собой серьезную источниковую базу. Как архивные, так и опубликованные материалы пестрят упоминаниями, что сланец обладал низкой калорийностью и высокой зольностью, что имеющиеся конструкции топок для сжигания сланцев были несовершенны, что потребители в массовом количестве отказывались от сланцевого топлива.

Попробуем разобраться в вопросе более тщательно. Теплотворная способность кашпирских сланцев определялась различными исследователями от 1400 до 2699 калорий, ундоровских – от 2000 до 2240, савельевских – от 1600 до 2400¹⁶. Эти же показатели для другого местного топлива в Поволжье – торфа – колебались в Саратовской области на наиболее крупных месторождениях от 3100 до 4600, в Куйбышевской области составляли в среднем 3200-3300¹⁷. Примерно на одном уровне с торфом по теплотворной способности находились дрова, что делало данные виды местного топлива более привлекательными по сравнению со сланцами.

Принципы диалектики требуют рассмотрения любого исторического явления применительно к конкретной ситуации и во всех возможных взаимосвязях с другими событиями. Горючие сланцы Поволжья в 1930-1931 гг. начали добывать в условиях нестабильной меняющейся экономики. Не следует забывать, что весь период довоенных пятилеток в СССР прошел в условиях хронического топливного дефицита. Перегруженные перевозками железные дороги не справлялись с доставкой на дальние расстояния бакинской нефти и донецкого каменного угля¹⁸. Именно поэтому в 1930-е гг. в стране резко выросли объемы заготовок дров и наблюдалось «второе рождение» после почти полной ликвидации в середине 1920-х гг. торфяной и сланцевой отраслей топливной промышленности. В этой ситуации не использовать практически лежащие под ногами в отдельных районах Поволжья

сотни миллионов тонн горючих сланцев было бы неоправданной роскошью. Безусловно, сланцевое топливо по сравнению с угольным, древесным и торфяным горело намного хуже, требовало особых условий сжигания и вывоза золы. Но не следует забывать, что вопрос в той ситуации не стоял в аспекте выбора потребителями между сланцами и дровами или между сланцами и каменным углем. Топливная проблема Поволжья в условиях общего отставания добычи энергоресурсов от потребностей экономики в СССР и при ограниченных возможностях железнодорожного и водного транспорта по доставке в регион угля из Донбасса и нефти из Баку формулировалась иначе. Или часть промышленных предприятий, электростанций, учреждений, домов частного сектора вблизи мест добычи Средней и Нижней Волги переходит на «плохое» сланцевое топливо, или из-за перегруженного транспорта «хорошего» топлива (угля, мазута, дров) на всех потребителей региона просто не хватит. В результате в Куйбышевской и Саратовской областях часть предприятий и учреждений будут хронически простаивать из-за недостатка топлива. В условиях же начавшейся в 1941 г. войны и резкого сокращения поступлений угля в Поволжье электростанции будут работать с перебоями, соответственно, оборонные предприятия будут срывать планы выпуска остро необходимой фронту продукции, в больницах, школах, жилых домах люди будут замерзать в холодное время года. С учетом вышеизложенного представляется все же, что было более предпочтительным немного помучиться, используя низкокалорийное сланцевое топливо.

Но можно ли было на практике топить горючими сланцами Поволжья, не являлась ли их низкая теплотворная способность непреодолимым барьером для массового использования? Пусть и в ограниченном количестве, сланцы в качестве топлива в Поволжье на отдельных предприятиях применялись как в 1930-е гг., так и в последующий период. Например, переведенная на

сланцетопливо в 1937 г. Саратовская ТЭЦ-1 в послевоенный период потребляла савельевский сланец до 1956 г., после чего она была переведена на природный газ. Более длительной оказалась работа на кашпирском сланце Сызранской ТЭЦ, перешедшей на газ только в 1991 г.¹⁹ Значит, на данных электростанциях отсталые технологии и несовершенство топок сжигать сланец почему-то позволяли, как в 1930-е, так и в 1940-е, и в 1950-е гг.

В середине 1930-х гг. в городе Куйбышеве на сланце работали железнодорожный ремонтный завод (Сажерез), толево-рубероидная фабрика, завод киноаппаратуры (КИНАП), швейные фабрики № 1 и № 2, кирпичный завод № 4 и мельница № 5, алебастровые заводы. В конце 1933 г. в Саратове сланцевые топки были установлены на заводе безалкогольных напитков, кирпичном заводе, в педтехникуме, в банях № 9 и № 10²⁰.

Более того, имеются материалы показывающие, что сланец мог успешно (по меркам 1930-х гг.) применяться и для отопления жилых домов и учреждений. Побывавший в Сызрани инженер В. Зеланд отметил, что в январе 1932 г. на сланце работало 730 печей: «Где мне лично ни приходилось бывать – в учреждениях, кооперативах, магазинах, столовых – везде голландские печи, отапливаемые сланцем, и другого отопления я не видел»²¹. В 1933–1934 гг. в Сызрани на отопление сланцем перевели 1112 голландских печей и плит организаций и 1388 печей жилых домов²². Возникающий вопрос, почему в Сызрани уже к началу второй пятилетки на сланце топились 2,5 тысячи печей, а в расположенных в том же Средне-Волжском крае Самаре и Ульяновске сланцевое топливо в топках предприятий, учреждений и жилых домов в те же годы гореть, по мнению большинства местных партийных руководителей, хозяйственников и инженеров, упорно не желало, остается без ответа.

На предприятиях, перешедших на отопление сланцем в 1930-е гг., проблемы часто возникали из-за несовершенства конструк-

ции топочных устройств. Газета «Волжская коммуна» дала информацию о состоявшемся при редакции в мае 1932 г. специальном совещании, посвященном данному вопросу: «Есть ли сейчас у нас проверенная сланцевая топка? ПОВТИ – поволжское отделение теплотехнического института, как и два года тому назад, не смогло дать на этот вопрос ясного ответа. ПОВТИ имеет семь разработанных типов сланцевых топок, ведет опыты со сжиганием сланца в газогенераторах, но до сих пор не может гарантировать ни одной своей топки, так как ни одна конструкция не проверена на практике. Что помешало ПОВТИ проверить свои топки? Причиной этого явилось противодействие предприятий, на которых должны были устанавливаться опытные топки... Чтобы «уломать» Союзхлеб на установку опытной топки Ломшакова, ПОВТИ потратил около шести месяцев. Опытный генератор, поставленный в самарском затоне, в самый разгар опытов просто выбросили оттуда. Два месяца тому назад ПОВТИ после долгих уговоров заручился согласием администрации на установку газогенератора в котельной водоканала ст. Смышляевка и на перенос, в связи с этим, внутренней стенки котельной. И вот переноса этой стенки ПОВТИ не может добиться уже в течение двух с половиной месяцев»²³.

Давайте задумаемся над приведенным отрывком. Руководители Поволжского отделения Всероссийского теплотехнического института месяцами не могли договориться с местными хозяйственниками об испытании сланцевых топок. Возникает резонный вопрос: знало ли об этой проблеме руководство Средне-Волжского края (далее – СВК) и было ли оно вообще заинтересовано в ускоренном освоении сланцевых месторождений Средней Волги? Секретарь крайкома ВКП (б) М.М. Хатаевич 20 января 1930 г. выступил на заседании Политбюро с проектом пересмотра заданий пятилетнего плана по Средней Волге, включавшим и расширенное развертывание строительства сланцевых комбинатов. Несмотря на полученные

положительные отзывы созданной при Политбюро специальной комиссии по докладу, М.М. Хатаевич сумел найти возможность дополнительно лично переговорить с И.В. Сталиным, еще раз обратив его внимание на проблемы своего региона²⁴. Весной 1930 г. комиссия ВСНХ во главе с В.В. Куйбышевым составила для Средне-Волжского края новый вариант пятилетнего плана со строительством энергохимических сланцевых комбинатов на Кашпире, Общем Сырте и сланцевых рудников на Ундорах²⁵. Как видно из приведенных данных, секретарь крайкома СВК в 1930 г. являлся активным сторонником развития сланцевой промышленности края.

Но почему-то в течение оставшихся месяцев 1930 г. и всего 1931 г. инженеры ПОВТИ безуспешно пытались опробовать на практике имеющиеся конструкции сланцевых топок. Как это объяснить? Руководитель крайкома СВК М.М. Хатаевич явно не обладал необходимыми знаниями в экономической и технической области, тем более в вопросах сжигания различных видов топлива. Низшая школа, которую он окончил в Гомеле, осталась основным учебным заведением для этого управленца первых пятилеток. Работа посыльным на керосиновом складе и продавцом в газетном киоске в дореволюционный период и далее работа после 1917 г. в Гомельском укоме и Гомельском губкоме РКП(б), Самарском губкоме и Самарском горкоме, Одесском губкоме и Татарском обкоме ВКП(б) не способствовали получению им дополнительного образования²⁶. Но отсутствие специальных знаний в данном случае не может служить оправданием. Руководителю СВК никто не мешал пригласить к себе для консультаций инженеров из ПОВТИ.

Более оптимальным вариантом организации испытаний и доработок конструкции топок мог стать созыв совещания с участием теплотехников и местных хозяйственников для обсуждения всех возникающих проблем по использованию сланцевого топлива. Еще рациональнее было созвать два совещания:

первое – для обсуждения и выявления критических точек сланцевого проекта, второе – с анализом произошедших изменений спустя несколько месяцев после первого. Подобная конференция была созвана, но только в июле 1933 г.²⁷ С октября 1932 г. и до 1937 г. пост 1-го секретаря Средне-Волжского крайкома ВКП(б) занимал В.П. Шубриков, окончивший в 1905 г. церковно-приходское училище и обучавшийся в 1923-1926 гг. в Комвузе имени Свердлова в Москве²⁸. Известно, что в данном случае сыграло решающую роль: более высокий образовательный уровень нового партийного руководителя СВК по сравнению с М.М. Хатаевичем, лучшие организаторские способности В.П. Шубрикова или просто обычный здравый смысл. Рациональная мысль посоветоваться с инженерами-специалистами все-таки возобладала. Но бездарно упущенное время для испытаний топок в 1931-1932 гг. привело к тому, что новое сланцевое топливо успело себя основательно скомпрометировать среди хозяйственников Средней Волги,

Поддержать своих инженеров из ПОВТИ руководителям СВК можно было, не тратя никаких финансовых средств, простым звонком по телефону директору любого предприятия и отдачей распоряжения провести испытания топки. Но ни М.М. Хатаевич, ни его заместители этого не сделали. Расплатой за неумение руководителей организовать взаимодействие различных подразделений в своем крае стали первые срывы планов, которые привели впоследствии к краху всего сланцевого проекта Поволжья. Последовавшее уже в 1933 г. закрытие Ундоровского и Захарьевского рудников (и это в условиях острого дефицита топлива) стало первым сигналом хронического кризиса сланцевой отрасли.

Командированный в 1930 г. в Эстонию, где в 1920-е гг. активно развивалась сланцевая промышленность, инженер Я.И. Хисин провел там опыты по сжиганию кашпирских сланцев, которые дали вполне удовлетворительные результаты. Интересно отметить, что эти опыты за границей производились

на установленной в Ревеле на заводе Балтийской бумагопрядильни топке конструкции Ломшакова²⁹. В СССР Всесоюзным теплотехническим институтом было разработано несколько конструкций топок для сжигания сланцев: Каблица, Ломшакова, Макарьева, Соловьева³⁰. Эти топки в 1930-е гг. использовались на предприятиях и в учреждениях Поволжья, вызывая критику и формируя устойчивое мнение о непригодности сланцевого топлива. Но в Эстонии на протяжении длительного периода горючие сланцы успешно сжигались в такой же топке конструкции российского инженера. Думается, проблема заключалась не в технической стороне вопроса, а в «человеческом факторе». Сжигание сланцевого топлива требовало более сложной технологии, чем при применении дров, торфа, угля. Во-первых, нельзя было использовать отсыревший сланец, поэтому храниться он должен был в сухом помещении или хотя бы под навесом. Во-вторых, в начале работы топки розжиг сланцев и доведение их до температуры устойчивого горения осуществлялись дровами или мазутом. В-третьих, высокая зольность сланцев требовала регулярного удаления из топки быстро накапливающейся золы и затем вывоза этого отхода с территории предприятия или учреждения. Представляется, что с учетом российского традиционного нежелания соблюдать технические инструкции хозяйственники в Поволжье часто топили сланцем как обычными дровами: брали их из лежащей под снегом и дождем во дворе кучи, разжигали без добавления дров, золу регулярно не удаляли. И потом, когда сланец гас в топках, искренне возмущались, почему им подсунули такое некачественное топливо.

Было еще одно обстоятельство, способствовавшее дискредитации сланцевого топлива в Поволжье. Архивные материалы и публикации в СМИ свидетельствуют, что в первой половине и середине 1930-х гг. горючие сланцы часто поступали к потребителям сильно загрязненными сопутствующей породой. Именно в этих случаях сланцы действительно становились «негорючими».

В докладной записке Ундоро-Захарьевского рудоуправления, направленной в Ульяновский горком и «Союзсланец», приводились конкретные числовые показатели за 1932 г.: «Договоров на сбыт сланца было заключено на 46 тысяч тонн, но качество отправляемого потребителям сланца было настолько низким, что уже после первых баржей последовали массовые отказы от сланца и фактический сбыт выразился всего в 11 тысяч тонн»³¹. В постановлении Ульяновского горкома ВКП(б) от 6 февраля 1933 г. констатировалось, что сланец, добытый в 1932 г. Ундоровским и Захарьевским рудниками в количестве 33 тысяч тонн, «до 35-40% засорен породой и в таком виде отгружался потребителям»³². О дальнейшей судьбе партии этого сланца, отправленной на винокуренный завод, рассказал корреспондент ульяновской газеты: «Завод, прежде чем взять сланец, взял пробу и проанализировал ее в лаборатории. Анализ показал, что в присланном сланце вместо 1700-1900 калорий только 500-600 калорий... Потребитель, конечно, сланец выгружать отказался»³³.

Архивные источники сохранили свидетельства, почему стала возможной такая ситуация. На должность нового руководителя Ундоро-Захарьевского рудоуправления в 1931 г. из Донбасса был переведен И.Ф. Мусатов; вместе с ним приехала его «команда»: Гаевский, Туралин, Иванов³⁴. В письме, направленном парторганизацией в Ульяновский горком, приводились следующие факты о техноруке Захарьевского рудника: «Туралин – больше пьянствует, чем работает. Кроме того, что пьянствует сам, спаивает десятников и рабочих... в феврале были сорваны две смены, потому что Туралин два дня пьянствовал...»³⁵. Руководитель рудоуправления И.Ф. Мусатов, как отмечалось в письме, никаких мер воздействия к своим друзьям из Донбасса не принимал, «просто скажет по дружбе: «Ваня, надо прекратить это безобразие»³⁶. Управляющий Ундоровским рудником Гаевский был снят с занимаемой должности, привлечен к суду и за бесхозяйственность и хищения осуж-

ден на 2,5 года лишения свободы³⁷. После ареста Гаевского информация о случаях пьянства его самого, заместителя, нескольких десятников и секретаря партийной ячейки просочилась в печать, ряд фактов, в частности, упоминались в статье корреспондента ульяновской газеты: «На руднике пьянствовали все, начиная от заведующего Гаевского и его помощника Агапова, десятников Тупицына, Коробкова и кончая секретарем ячейки Чернышевым. Рабочие пытались говорить, протестовать, но «теплая компания» сейчас же увольняла с рудников особенно «строптивных»³⁸. Естественно, пьющим руководителям Ундоровского и Захарьевского рудников было не до какой-то там сортировки сланцев.

Другие рудники Поволжья также не уделяли должного внимания качеству добытых сланцев. В разделе о сортировке сланца доклада ревизионной комиссии, обследовавшей в начале 1931 г. Средне-Волжское краевое сланцевое управление, подчеркивалось: «Этот ответственный участок производства на Кашпире беспризорен. В присутствии комиссии на Кашпире сланец на площадке валялся на породу, порода – в сланцевые штабеля. За сортировкой техперсонал, особенно десятники, не следят. В результате сланец отгружается с породой и везде жалобы на качество...»³⁹. Инженер Средне-Волжского краевого сланцевого управления Фесенко, выступая на совещании 9 марта 1931 г., поделился с присутствующими личными наблюдениями за процессом складирования сланца на Кашпире: «На руднике есть принудиловцы и ополченцы⁴⁰, и я видел, как они там работают. Парень привозит сланец и сбрасывает его направо, а глину налево. Другой парень не знает, что было сброшено направо, что налево, и сбрасывает наоборот. Получается смесь сланца с глиной»⁴¹. Кроме того, смешиванию сланцев с пустой породой способствовало малограмотное с технической точки зрения использование взрывчатых веществ, о чем также говорилось на совещании: «Мы посредством аммонала превращаем все в кашу, не разберешь, где сланец, где глина»⁴².

Аналогичные факты имели место и в Нижнем Поволжье. Газета Саратовской области в 1938 г. писала о качестве топлива, полученного с Савельевки: «В получаемом в Саратове сланце имеются примеси пустой породы, повышенная влажность и низкая калорийность»⁴³.

Следует отметить, что находились среди хозяйственников умельцы, ухитрявшиеся использовать даже загрязненный пустой породой сланец. Рабфак города Ульяновска закупил 300 тонн сланцевого топлива. Сланец, который на 50% «оказался негодным», тщательно перебрали и отсортировали; при растопке использовали дрова⁴⁴. Обратим внимание в данном эпизоде на то, что если у конкретных руководителей имелось желание топить сланцем, то данное топливо, несмотря на низкую теплотворную способность, все-таки горело в топках данной организации. Но, естественно, рассчитывать на подобное «народное творчество» в заметных масштабах среди потребителей горючих сланцев в условиях первых пятилеток было нереально.

С учетом приведенных данных ответ на вопрос «кто виноват» уже становится более четким и определенным. Причина неудачи сланцевого проекта заключалась не столько в низкой теплотворной способности сланцев, сколько в профессиональной непригодности руководителей рудников, неспособных наладить и правильно организовать производственный процесс, в частности, операцию сортировки сланца, и нежелании потребителей соблюдать технологию сжигания данного вида топлива.

Безусловно, имелся целый комплекс объективных факторов, препятствующих расширению добычи сланцев и созданию нормальных бытовых условий для рабочих. Например, для жилищного строительства на рудниках хронически не хватало самых различных материалов, в том числе дефицитных в то время гвоздей и оконного стекла. В то же время понимание того, что снабжение материалами зависело во многом именно от руководителя предприятия,

было для людей 1930-х гг. очевидной истиной. Вот, например, краевая газета Средней Волги в 1932 г. приводила в пример другим хозяйственникам действия теплотехнического института, «который сумел достать вагон огнеупоров, в то время, когда другие жаловались на полное его отсутствие в крае»⁴⁵. В ситуации хронического дефицита управленцам приходилось применять не вполне законные методы. В 1930 г. на Кашпире по инициативе одного из руководителей рудоуправления А.А. Бормотова был использован для жилищного строительства, которое остановилось из-за недостатка стройматериалов, застрявший на Волге плот с древесиной, предназначенный для Самары. Личность руководителя характеризует высказывание этого управленца на совещании в марте 1931 г.: «И только на свой риск и страх мы это дело исправили, хотя и поступили незаконно... Если бы не случилось этого, мы бы вообще ничего не построили»⁴⁶. Но подобные случаи проявления активности и инициативы были редкостью среди руководства сланцевых рудников Поволжья.

Присутствовавший на совещании партийно-хозяйственного актива Савельевского рудника 6 апреля 1938 г. секретарь Саратовского обкома В.Р. Калачев поделился с присутствующими своими впечатлениями от местного общепита, в частности грязи в столовой: «В жилье беспорядок, грязь, живут в землянках. Все засыпано навозом... Говорят, что для клуба нужны деньги, а вот для того, чтобы держать в чистоте клуб, столовую, разве нужны большие деньги?»⁴⁷. В данном случае нельзя не признать справедливость слов В.Р. Калачева. Для наведения элементарного порядка в столовой не требовалось ни дорогостоящей техники, ни значительного количества квалифицированных рабочих, ни каких-то выдающихся организаторских способностей со стороны руководства рудника и профсоюзной организации.

Другие распространенные на сланцевых рудниках случаи, когда дорогое и дефицит-

ное оборудование годами валялось на складах и под открытым небом, также можно объяснить только нежеланием и неумением конкретных руководителей навести порядок на вверенных им участках. В.Р. Калачев на указанном выше совещании отметил: «Нет никакой охраны. Кто идет, почему идет. Вчера в половине первого ночи мы с группой товарищей, приехавших со мной, ходили и никто нас не спросил, никто не задержал. Порядка нет. Иди, кто хочет»⁴⁸.

Владимир Родионович Калачев был, похоже, единственным представителем высшего звена региональной партноменклатуры Поволжья, который, едва вступив в должность 1-го секретаря Саратовского обкома ВКП(б) в феврале 1938 г., почти сразу же в апреле лично посетил Савельевский сланцевый рудник, где не поленился пройтись по рудничному поселку, зайти в столовую и клуб, после чего провел совещание с анализом недостатков производственного процесса и бытовых условий. Другие первые секретари Саратовского края и области, в частности, А.И. Криницкий (апрель 1934 г. - июль 1937 г.), И.А. Власов (ноябрь 1938 г. - май 1942 г.), не сочли нужным ознакомиться на месте с проблемным сланцевым рудником своего региона. По Средне-Волжскому краю и Куйбышевской области сведений о посещении Кашпирского, Ундоровского, Захарьевского рудников М. М. Хатаевичем (июнь 1928 г. - октябрь 1932 г.), В.П. Шубриковым (октябрь 1932 г. - март 1937 г.), П.П. Постышевым (март 1937 г. - январь 1938 г.) и Н.Г. Игнатовым (январь 1938 г. - сентябрь 1940 г.) в изученных автором архивных и опубликованных материалах также обнаружить не удалось.

Следует отметить, В.Р. Калачев ранее был знаком с проблемой сланцевых рудников. Занимая с октября 1930 г. по июнь 1932 г. пост секретаря Ульяновского горкома ВКП(б), он дважды в течение 1932 г. обсуждал вопрос о ситуации на Ундоровском и Захарьевском рудниках: на мартовском пленуме парторганизации и на расширенном бюро горкома совместно с партактивом города 19

мая⁴⁹. При этом В.Р. Калачев, критикуя рудничное руководство, правильно подметил желание данных управленцев свалить собственные просчеты на объективные обстоятельства. Образовательный уровень В.Р. Калачева – ремесленная школа в 1913-1916 гг. и курсы уездных партработников при ЦК ВКП(б) в Москве с сентября 1927 г. по июнь 1928 г.⁵⁰ Вероятно, активность данного партаппаратчика в решении сланцевой проблемы объяснялась природными организаторскими способностями.

Среди рабочих сланцевых рудников Поволжья наблюдалась большая текучесть кадров. Эта проблема не была решена вплоть до конца рассматриваемого в статье периода. Так, например, в 1940 г. на Кашпирском руднике в шахте работало 567 рабочих (в среднем за год). При этом за год на шахту прибыло 678 и убыло 583 человека⁵¹. В том же году на Савельевском руднике на шахте № 1 и № 2 работало 506 человек. При этом за первое полугодие прибыло 666, убыло 702 человека; во втором полугодии прибыло 592, убыло 260 человек⁵². Обычно данный круговорот рабочей силы объяснялся в документах неудовлетворительными бытовыми условиями. Но роль управленцев в данном вопросе также нельзя исключать. Побывавшего в апреле 1932 г. на Захарьевском руднике работника Ульяновского горкома ВКП(б) удивил следующий эпизод. Группа завербованных рабочих в количестве 43 человек целый день не могла оформиться на работу; ночевать их оставили в холодном помещении. При этом технорук Туралин пренебрежительно отозвался о прибывших: «Прислали пионеров и больных...». В результате на другой день из этой партии ушел обратно 21 человек, затем и остальные; на руднике остался работать только один человек. Работник горкома отметил, что из 43 человек 32 были совершенно здоровы, поэтому заявление Туралина не соответствовало действительности⁵³. Следует напомнить, что такой «холодный» прием новых рабочих происходил в условиях хронического недостатка рабочей силы. Слу-

чай безразличного отношения к рабочим и производственному процессу наблюдались в соседней Саратовской области. В феврале 1937 г. на Савельевский рудник выезжал сотрудник саратовской газеты М. Парфенов. Его докладную записку по итогам поездки редактор переслал в Саратовский обком ВКП(б). В числе многих недостатков работы рудника корреспондент отметил следующий эпизод: «16 февраля в шахту № 1 на работу не вышло 15% всех рабочих шахты. И странным образом, что это ни в ком не вызвало тревоги»⁵⁴.

В докладной записке заведующего топливно-энергетическим отделом Куйбышевского обкома ВКП(б) Архипова от 4 мая 1941 г. приводились следующие факты по Кашпирскому руднику: «Для пополнения штата рабочих Кашпиррудника Наркоматом угольной промышленности переведены из Донбасса 40 человек шахтных рабочих, которые приступили к работе с 29 апреля с.г. Нужно отметить, что руководство рудника не подготовилось к приему рабочей силы. Вопрос обеспечения рабочих квартирами и общежитием остается нерешенным. Окончание строительства трехдвухэтажных домов в первом квартале сорвано... Необеспеченность общежитием и квартирами создает большую текучесть рабочей силы... Пропуски и опоздания занимают большой процент ко всему коллективу рабочих. За первый квартал не вышло на работу 49 человек и, несмотря на это, ни партийная, ни профсоюзная организация ни разу не заострили вопроса на собраниях о большом количестве прогулов...»⁵⁵.

Рабочую силу для предприятий в 1930-е гг. вербовали специальные люди, направляемые от данной организации в разные районы своего края или области или же в соседние регионы. При этом вербовщики неизбежно тесно сотрудничали с районными властями и председателями колхозов. Но и в данном вопросе руководство рудников Поволжья не проявило необходимых управленческих способностей. На пленуме Ульяновского горкома ВКП(б) 17-19 марта

1932 г. В.Р. Калачев, критикуя руководителя Ундоро-Захарьевского рудоуправления И.Ф. Мусатова, подчеркнул: «Он говорит, что на сланцах первоисточником прорыва является необеспечение рудников рабсилой. А вот товарищ Сталин в речи 23-го июля сказал о необходимости ликвидации самотека в организации рабочей силы. А что вами сделано, чтобы этот самотек ликвидировать? Мусатов говорит, что колхозы рабочей силы не дают. Да, товарищи, колхозы в порядке самотека рабочей силы не дают, нужна большая организаторская работа, чтобы получить эту рабочую силу»⁵⁶. Контролер комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Саратовскому краю писал в докладной записке от 10 мая 1935 г.: «Управление рудником отнеслось к вербовке рабочей силы формально... Договора с колхозами заключены не были, периодически командированные представители от рудника в колхозах не появлялись, а ограничивались переговорами с руководителями районных партийных и советских организаций; руководство же рудником ограничилось подачей телеграмм в краевые партийные и советские организации с извещением, что вербовка идет плохо»⁵⁷.

В условиях недостатка рабочих помочь с вербовкой могли и должны были районные организации. Но в Саратовской области взаимодействие с местными партийными организациями у руководителей сланцевых рудников не сложилось. На совещании производственно-хозяйственного актива Савельевского рудника 6 апреля 1938 г. присутствующий секретарь Саратовского обкома В.Р. Калачев обратил внимание на тот факт, что у начальника шахты напряженные отношения с председателем поселкового совета⁵⁸.

В архивном деле фонда Саратовского обкома ВКП(б) сохранился интересный документ – докладная записка секретаря Краснопартизанского райкома ВЛКСМ от 21 декабря 1938 г., адресованная Наркому тяжелой промышленности Л.М. Кагановичу. В ней сообщалось, что на Савельевском

руднике за 10 месяцев 1938 г. ушло 800 человек, в общежитиях грязно, на руднике наблюдается недостаток хлеба. Вина за все недостатки работы рудника возлагалась на управляющего рудоуправлением А.С. Бастанова⁵⁹. Судя по содержанию документа ни о каком взаимодействии и тем более помощи руднику со стороны районных организаций Саратовской области в 1938 г. уже речи идти не могло. Отношения руководителей сланцевого рудника и партийного руководства района были на тот момент кардинально испорчены. Адрес отправителя – райком ВЛКСМ – не должен создавать иллюзии, что Краснопартизанский районный комитет ВКП(б) был не в курсе документа с критикой расположенного на территории района промышленного предприятия, который районный орган по руководству комсомолом отправил наркому СССР. С большой долей вероятности можно предположить, что инициатором жалобы-доноса на руководящий состав Савельевского рудника был именно Краснопартизанский райком ВКП(б), который на всякий случай решил направить документ от лица местной комсомольской организации.

Руководители Кашпирского, Ундоровского, Захарьевского, Савельевского рудников в силу недостатка профессионализма и управленческих способностей не уделяли должного внимания организации производственного процесса. Комиссия, обследовавшая в 1940 г. Кашпирский сланцевый комбинат, в докладной записке в Куйбышевский обком ВКП(б) констатировала: «Распоряжения, отдаваемые командами производства, не выполняются, а проверка исполнения отсутствует. Рабочее место не подготавливается и не обеспечивается ни инструментом, ни лесом. Например, бригады ходят по шахте, ищут лес для крепления»⁶⁰.

Осознание факта неумения руководителей сланцевых рудников организовать работу отмечалось и местными руководящими структурами областей, где велась добыча сланцев. Так, в письме обкома и облис-

полкома Саратовской области от 2 февраля 1939 г., адресованном наркому топливной промышленности, приводился следующий эпизод: «Саратовский областной комитет ВКП(б) и облисполком в январе месяце провели тщательную проверку состояния Савельевского сланцевого рудника. Вскрыты крупнейшие безобразия на руднике, зависящие целиком от неудовлетворительной и подчас преступной работы руководителей рудника и районных организаций»⁶¹. Об этом же писал и инструктор Саратовского обкома в докладной записке от 20 января 1939 г.: «Часть хозяйственников, вплоть до управляющего Бастанова, все еще пытаются свою плохую работу свалить на объективные причины... Отсутствие крепежного леса также вызывает простои, и руководство ссылается на плохую его доставку, в то время как крепежного леса сожгли на паровозе 140 кубометров. Нередко можно видеть, как он растаскивается работниками на отопление»⁶².

Корреспондент «Волжской коммуны» А. Марасов попытался разобраться в причинах срывов работ на Кашпирском руднике. Он в марте 1941 г. провел целый день в шахте, наблюдая за работой одной бригады. Смена была начата на час позже срока из-за того, что вовремя не подали вагонетки. В течение часа конвейер останавливался четыре раза. В итоге десятник Маслов больше находился у телефона, нежели в лаве. «Он вызывал начальника транспорта Теморгалева, звонил дежурному по шахте Колесову, пытался доложить начальнику участка Точилову. Но все было тщетно»⁶³. Вторая командировка этого корреспондента на Кашпирский рудник в мае 1941 г. показала, что стахановская бригада Филиппова в ходе рабочей смены в шахте не могла дать высокую производительность из-за простоев рештака и недостатка вагонеток. «Пытались было разыскать механика шахты т. Мухина. Но он, оказывается, вообще не любит подолгу бывать в шахте и предпочитает больше находиться на поверхности... В рабочее время он ушел на

Волгу. Рядом с ним там сидели заместитель главного механика Главсланца т. Цигуров и райгортехинспектор т. Майоренко. Они мирно бросали в воду камешки...»⁶⁴.

В справке, составленной инструктором Куйбышевского обкома Н.В. Пеуновым в мае 1941 г., делалось сравнение двух участков Кашпирского рудника в первом квартале 1941 г.: «На 1-м участке – начальник т. Оленевский, механик т. Тихонов – забой содержится в хорошем состоянии, четко работают механизмы, что привело к поднятию производительности труда навалотбойщика; в марте месяце до 9,15 тонны, а в апреле до 9,74 тонны. На 2-м участке – начальник т. Киреев, механик т. Куликов – плохо борются за реализацию решений XVIII партийной конференции, участок захламлен, механизмы простаивают, в результате производительность труда навалотбойщика резко падает, если в марте производительность составляла 7,09 тонны, то в апреле 6,75 тонны»⁶⁵. Показательно, что в статьях А. Марасова и в справке Н.В. Пеунова вина за низкую производительность труда шахтеров и срыв планов добычи на сланцевых рудниках возлагалась не на традиционные плохие бытовые условия, недостаток рабочих и низкий уровень механизации добычи. Главным фактором срыва работ на рудниках и для корреспондента газеты, и для инструктора Куйбышевского обкома явно было неумение управленцев сланцевых рудников организовать производственный процесс.

Не следует рисовать всех руководителей сланцевой промышленности Поволжья и занимавших высшие посты партийных руководителей Куйбышевской и Саратовской областей исключительно «черной краской». В числе способных управленцев можно отметить одного из руководителей Кашпирского рудника А.А. Бормотова. Судя по сохранившимся стенограммам выступлений на совещаниях, данного руководителя отличали трезвая оценка ситуации и практический склад ума⁶⁶. Кроме того, в его активе проявление творчества и инициативы при организации жилищного строительства на

Кашпире в 1930 г. Заслуживает внимания деятельность В.Р. Калачева на посту руководителя Ульяновского горкома и Саратовского обкома ВКП(б). В этот же ряд энтузиастов сланцевого проекта следует поставить партийных и советских руководителей Сызрани, сумевших организовать массовый переход на сланцевое отопление еще в первой пятилетке. Но в общей массе полуграмотных и безынициативных управленцев 1930-х гг., имевших отношение к реализации сланцевого проекта, отдельные профессионалы не смогли исправить общую неблагоприятную тенденцию.

Подводя итоги, следует отметить, что тема эффективности деятельности руководящих работников в числе причин срыва Большого сланцевого проекта Поволжья в 1930-е гг. требует дальнейшего изучения. Например, отдельного исследования заслуживает вопрос о роли руководителей Союзсланца и Главсланца в низкой результативности освоения колоссальных сланцевых месторождений региона. Также перспективным представляется разработка темы о руководителях Средне-Волжского крайисполкома и Куйбышевского, Саратовского облисполкомов, лицах, занимавших руководящие посты в партийной и советской номенклатуре Сызранского, Ульяновского районов СВК и Куйбышевской области, Краснопартизанского района Саратовской области.

По итогам приведенных в данной статье фактических данных можно констатировать следующее. Управленцы из рудоправлений годами не могли организовать сортировку сланца, что снижало и без того невысокую теплотворную способность данного вида топлива. В условиях недостатка и текучести кадров равнодушно относились к вновь приходящим рабочим и не реагировали на случаи массовых прогулов рабочих смен в шахтах. Вербовка рабочих на рудники проводилась формально, необходимые контакты с районными структурами не были налажены. Организация производственного процесса добычи сланца в

шахтах имела многочисленные недостатки. Из-за неумения и нежелания наладить четкую бесперебойную работу в шахте рабочие непроизводительно тратили время на простои. Возглавлявший Средне-Волжский крайком ВКП(б) М.М. Хатаевич не оказал помощи в испытаниях сланцевых топок инженерам из ПОВТИ, что затянуло процесс перехода на сланцевое топливо предприятий и учреждений СВК в 1931-1932 гг.

В конечном итоге, доля сланцев в топливном балансе Саратовской и Куйбышевской областей к концу 1930-х гг. не превышала двух процентов. Данный уровень использования этого местного топлива был далек от того, чтобы, как планировалось в первой пятилетке, стать основой энергетической базы Поволжья. «Кадры», которые «решают все», наряду с другими причинами, в значительной степени предопределили провал Большого сланцевого проекта Поволжья в годы довоенных пятилеток.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Каширский В.Г., Коваль А.А.* Горючие сланцы Поволжья: прошлое, настоящее, будущее. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2007. С. 3, 7.
- ² *Медведев П.А.* Сланцы как топливо. М. – Самара: Средне-Волжское краевое издательство, 1933. С. 10, 15, 21; *Налетов П., Квасников Ф.* Горючие сланцы Среднего Поволжья. М. – Самара: Государственное издательство Средневолжского краевого отдела, 1930. С. 22-24; *Средневолжский край (экономический и социально-культурный обзор).* М. – Самара: Государственное издательство. Средне-Волжское краевое отделение, 1930. С. 79.
- ³ *Каширский В.Г., Коваль А.А.* Указ. соч. С. 14, 37.
- ⁴ *Зуев В.Д.* Во главе промышленного преобразования: очерки истории индустриализации Среднего Поволжья (1926-1937 гг.). Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1971; *Зуев В.Д.* Средне-Волжская парторганизация в борьбе за индустриализацию края в годы второй пятилетки (1933-1937 гг.) // Из истории социалистической индустриализации Среднего Поволжья. Вып. 59. Куйбышев: Куйбышевский авиационный институт им. С.П. Королёва, 1973. С. 3-141; *Ерофеев В.В.* Открытие подземных

кладовых. Горючий камень // Самарский краевед. Историко-краеведческий сборник. Куйбышев: Книжное издательство, 1990. С. 317-323; *Кузьмина Т.М., Шарошкин Н.А.* Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2005; *Кузьмина Т.Н., Шарошкин Н.А.* Сланцедобывающая промышленность (по материалам Куйбышевского края). 1933 – июнь 1941 г. // Четвертые Петровские чтения. СПб.: Петровская академия наук и искусств, 2003. С. 75-80; *Рассохина О.В.* Топливная промышленность Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (по материалам Куйбышевской и Саратовской областей). Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2002.

- ⁵ *Шаронин Д.А.* Сланцевая проблема и энергетическое развитие Куйбышевской области в годы первых пятилеток (1928-1942) // Всеобщая история. 2016. № 4. С. 23.
- ⁶ *Шаронин Д.А.* Документация научно-исследовательских и проектных институтов как исторический источник по истории электрификации СССР (1920-е - 1930-е гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3 (2). С. 583; *Шаронин Д.А.* Информационный потенциал документов Всесоюзного теплотехнического института им. Ф.Э. Дзержинского по истории индустриализации Куйбышевской области в годы первых трех пятилеток // Вестник архивиста. 2015. № 3 (131). С. 58-59, 62.
- ⁷ *Курятников В.Н., Малиновская Ю.А., Климоchkина А.Ю.* Сланцевый проект Самарского края: достижения и просчеты // История и педагогика естествознания. 2018. № 4. С. 21.
- ⁸ Ундоры приступили к добыче сланца // Пролетарский путь (Ульяновск). 1930. 26 ноября.
- ⁹ Федеральное казенное учреждение «Российский государственный архив экономики» (далее – ФКУ РГАЭ). Ф. 8701. Оп. 1. Д. 189. Л. 22.
- ¹⁰ *Воейков Е.В.* Торфяная и сланцевая промышленность Поволжья. 1930-1941 гг. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2011. С. 146-153, 191-207, 320-321.
- ¹¹ *Февр Л.* Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 28.
- ¹² Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933-1937 гг.). Т. 1. М.: Издание Госплана СССР, 1934. С. 125.
- ¹³ ФКУ РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 721. Л. 1.
- ¹⁴ Энергетические ресурсы СССР. Т. 1. Топливно-энергетические ресурсы / Под ред. Н.В. Мельникова. М.: Наука, 1968. С. 618.
- ¹⁵ *Шаронин Д.А.* Сланцевая проблема и энергетическое развитие Куйбышевской области в

- годы первых пятилеток (1928-1942) // Всеобщая история. 2016. № 4. С. 14.
- ¹⁶ *Китаевич С., Жданов М., Карелин М.* Новые топливные районы СССР. М.: Изд. «Плановое хозяйство», 1937. С. 187-188; *Мальшев В.И.* Горючие сланцы как база электрификации Заволжья // Материалы к проблеме горючих сланцев Нижне-Волжского края. Саратов: Издание крайплана, 1930. С. 60; *Медведев П.А.* Сланцы как топливо. С. 8, 17; *Налетов П., Квасников Ф.* Горючие сланцы Среднего Поволжья. С. 35.
- ¹⁷ Областное государственное учреждение «Государственный архив новейшей истории Саратовской области» (далее – ОГУ ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 1708. Л. 51-52; *Козулин Ф.* Средневолжские торфяники и их использование. М. – Самара: Государственное изд-во, 1931. С. 10-11.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Воейков Е.В.* Торфяная и сланцевая промышленность Поволжья. 1930-1941 гг. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2011. С. 55-59, 64-67.
- ¹⁹ *Каширский В.Г., Коваль А.А.* Указ. соч. С. 37, 38.
- ²⁰ Хроника. Савельевские сланцы завоевывают свое место в топливном балансе края // Горючие сланцы. 1933. № 6. С. 71.
- ²¹ Инженер Зеланд рассказывает о преимуществах сланца как топлива // Волжская коммуна. 1932. 27 февраля.
- ²² Материалы первой средневолжской сланцевой конференции 2-5 июля 1933 г. / Под ред. И.Г. Петрова. М. – Самара: Средне-Волжское краевое изд-во, 1934. С. 140-141.
- ²³ Заводы ждут сланца и топок. ПОВТИ не могут дать ясного ответа // Волжская коммуна. 1932. 25 мая.
- ²⁴ Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Пензенской области» (ГБУ ГАПО). Ф. П. 54. Оп. 1. Д. 220. Л. 6.
- ²⁵ *Налетов П., Квасников Ф.* Горючие сланцы Среднего Поволжья. С. 82-87.
- ²⁶ *Филиппов С.Г.* Территориальные руководители ВКП (б) в 1934-1939 гг.: справочник. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 608.
- ²⁷ Материалы первой средневолжской сланцевой конференции 2-5 июля 1933 г. / Под ред. И.Г. Петрова. М. – Самара: Средне-Волжское краевое изд-во, 1934.
- ²⁸ *Филиппов С.Г.* Указ. соч. С. 648-649.
- ²⁹ *Хисин.* Успехи эстонской сланцевой промышленности в приложении к волжским сланцам // Среднее Поволжье. 1930. № 6-7. С. 21, 22, 29.
- ³⁰ *Курятников В.Н.* Топка для горючих сланцев: от идей к реализации // Память о прошлом – 2019. Сборник научных трудов VIII Самарского историко-архивного форума, посвященного 100-летию со дня принятия Декрета «Об изобретениях». Отв. сост. О.Н. Солдатова. Самара: Российский государственный архив в г. Самаре, 2019. С. 74-78.
- ³¹ Областное государственное бюджетное учреждение «Государственный архив новейшей истории Ульяновской области» (далее – ОГБУ ГАНИУО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1139. Л. 33.
- ³² ОГБУ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1158. Л. 107.
- ³³ *Дорин Н.* Сланец – в топку! // Пролетарский путь (Ульяновск). 1933. 30 января.
- ³⁴ ОГБУ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1079. Л. 157.
- ³⁵ ОГБУ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1079. Л. 159.
- ³⁶ ОГБУ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1079. Л. 158.
- ³⁷ Приговор по делу бывших руководителей Ундоровского рудника // Пролетарский путь (Ульяновск). 1932. 1 июня.
- ³⁸ *Ган А.* Скованные льдинами оппортунизма // Пролетарский путь (Ульяновск). 1932. 15 мая.
- ³⁹ ФКУ РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 482. Л. 11.
- ⁴⁰ «Принудиловцы» – в данном случае лица, приговоренные судом к отбыванию принудительных работ. «Ополченцы» – лица, привлекаемые по трудовинности.
- ⁴¹ ФКУ РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 455. Л. 80.
- ⁴² ФКУ РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 455. Л. 9.
- ⁴³ *Рогачев.* Горючие сланцы области // Коммунист (Саратов). 1938. 18 февраля.
- ⁴⁴ *Цифирник.* Надо уметь топить сланцем // Пролетарский путь (Ульяновск). 1933. 13 февраля.
- ⁴⁵ Заводы ждут сланца и топок. Нельзя ли без объективных причин // Волжская коммуна. 1932. 25 мая.
- ⁴⁶ ФКУ РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 455. Л. 30.
- ⁴⁷ ОГУ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1451. Л. 73.
- ⁴⁸ ОГУ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1451. Л. 42.
- ⁴⁹ ОГБУ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1048. Л. 2-3 об., 19-21, 25 об.; Д. 1050. Л. 154-157, 163-166.
- ⁵⁰ *Филиппов С.Г.* Указ. соч. С. 285.
- ⁵¹ ФКУ РГАЭ. Ф. 8701. Оп. 1. Д. 176. Л. 43, 58.
- ⁵² ФКУ РГАЭ. Ф. 8701. Оп. 1. Д. 178. Л. 14 об., 16.
- ⁵³ ОГБУ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1079. Л. 169.
- ⁵⁴ ОГУ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1155. Л. 104.
- ⁵⁵ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 32. Д. 67. Л. 62.
- ⁵⁶ ОГБУ ГАНИУО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1048. Л. 25 об.
- ⁵⁷ ОГУ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 456. Л. 27.
- ⁵⁸ ОГУ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1451. Л. 53.
- ⁵⁹ ОГУ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1451. Л. 196-197.
- ⁶⁰ Государственное бюджетное учреждение Самарской области «Самарский областной государственный архив социально-политической истории» (далее – ГБУСО СОГАСПИ). Ф. 656. Оп. 31. Д. 95. Л. 47.
- ⁶¹ ОГУ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1708. Л. 57.
- ⁶² ОГУ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1708. Л. 36-37.

⁶³ *Марасов А.* В шахте // Волжская коммуна (Куйбышев). 1941. 4 марта.

⁶⁴ *Марасов А.* На Кашпирском руднике // Волж-

ская коммуна (Куйбышев). 1941. 9 мая.

⁶⁵ ГБУСО СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 32. Д. 67. Л. 54.

⁶⁶ ФКУ РГАЭ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 529. Л. 47-49.

**«CADRES DETERMINE EVERYTHING». TO THE QUESTION
OF THE REASONS FOR THE FAILURE OF THE VOLGA SHALE PROJECT
DURING THE PRE-WAR FIVE-YEAR PLANS**

© 2021 E.V. Voyeikov

Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

The author examines the activities of managers of shale ores and heads of party bodies of the Kuibyshev and Saratov regions who implemented the Volga shale project in the 1930s. The managers from mining departments committed a number of unprofessional actions in the organization of the production process of shale mining, which contributed to the departure of workers from the mines, mass absenteeism, downtime of teams of miners during work shifts. The party leaders of the Kuibyshev and Saratov regions did not provide the necessary assistance to engineers from the Volga Heat Engineering Institute in organizing tests of shale furnaces and paid little attention to the problems of shale mines.

Keywords: shale mines, oil shale project in the Volga region, the leaders.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-1-19-34